

К. Н. Максимов

# ТРАГЕДИЯ НАРОДА

Репрессии  
в Калмыкии

1918–1940-е годы



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
КАЛМЫЦКИЙ ИНСТИТУТ  
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**К. Н. Максимов**

# **ТРАГЕДИЯ НАРОДА**

**Репрессии  
в Калмыкии**

**1918–1940-е годы**



МОСКВА НАУКА 2004

## ПРЕДИСЛОВИЕ

### Рецензенты:

доктор философских наук *А.Т. ГОРЯЕВ*,  
кандидат исторических наук *В.Н. ЗЕМСКОВ*,  
кандидат философских наук *В.А. САВИСЬКО*,  
доктор исторических наук *В.Б. УБУШАЕВ*

### Максимов К.Н.

Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы /  
К.Н. Максимов. – М.: Наука, 2004. – 311 с. – ISBN 5-02-033520-7 (в пер.)

В книге рассматриваются репрессивная политика советского государства и механизм ее реализации на примере отдельного региона – Калмыкии в 1918–1940-е годы. Тема исследуется на фоне общей картины карательной деятельности диктаторского режима. Для историков, юристов, учителей, студентов, аспирантов и широкого круга читателей.

Без объявления

ISBN 5-02-033520-7

© Максимов К.Н., 2004  
© Издательство “Наука”,  
художественное оформление,  
2004

**Ч**то такое политическая репрессия? Если заглянуть в словари, они говорят, что “репрессия” – это “подавление”, “наказание”, “карательная мера”, а в “Словаре русского языка” С.И. Ожегова еще добавляется: “применяемая государственными органами”.

Что такое политика? Политика (с греческого – искусство управления государством) – деятельность органов государственной власти, отражающая общественный строй и экономическую структуру страны, а также деятельность общественных классов, партий, групп, определяемая их интересами и целями. Теперь можно попытаться дать формальное определение понятию “политическая репрессия советской власти”. Это – карательная деятельность органов государственной власти советского государства под руководством партии большевиков, отражающая его насильственную сущность, в интересах и целях укрепления диктатуры пролетариата, т.е. власти, узурпированной группой коммунистов, а затем вождем партии. А политическими репрессиями по Закону РСФСР от 18 октября 1991 г. “признаются различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, со-

циальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшееся по решению судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами”<sup>1</sup>.

Особенности репрессивной деятельности советского государства в политических целях заключались в том, что она проводилась в условиях неограниченной власти верхушки компартии, культа личности Сталина, беззакония и произвола, методами, унижающими, оскорбляющими человеческое достоинство. Репрессии коснулись значительной части населения страны, отдельные народы были подвергнуты геноциду.

Предлагаемое вниманию читателей исследование охватывает территориальный фрагмент, можно сказать, небольшой срез массового террора, имевшего место в Советском Союзе в первой половине XX в. Но террор локального масштаба – в Калмыкии изучается на фоне общей картины происходившего процесса репрессий в стране, выражавшего тоталитарную сущность политического режима диктаторского государства, в соответствии с общей партийно-государственной политикой, идеологической основой которой являлось марксистско-ленинское учение о диктатуре пролетариата.

Диктатура пролетариата, как теория господства рабочего класса, на практике эволюционировавшая из политического господства партии большевиков в господство верхушки партии и наконец ее вождя, использовала свои функции насилия не только в целях подавления эксплуататоров, противников, но и политических оппонентов, соперников в борьбе за власть, а также для расправы с мнимыми врагами, так называемыми вредителями в случае неудач и просчетов в строительстве социализма. Произвол, беззаконие, репрессии стали в 1920–1940-х годах обычными, будничными явлениями, поскольку, как заметил классик отечественной литературы Даниил Гранин, в них “ нуждалась система”<sup>2</sup>.

С первых же дней советской власти орудием, осуществляющим политические репрессивные функции диктатуры пролетариата, выступили карательные службы во главе со Всероссийской Чрезвычайной Комиссией (ВЧК), создан-

ные постановлением Совнаркома РСФСР от 7 декабря 1917 г. К концу 1918 г. в стране, по данным А. Литвина, функционировали 38 губернских и 365 уездных ЧК<sup>3</sup>. По словам В.И. Ленина, “в этом отношении их роль неопределима. Иного пути к освобождению масс, кроме подавления путем насилия эксплуататоров, – нет. И этим занимаются ЧК, в этом их заслуга перед пролетариатом”<sup>4</sup>. Но это насилие, которое осуществлялось карательными органами советского государства, направлялось не только против бывших капиталистов, помещиков, белогвардейцев, но и перекинулось на мелких хозяев, собственников, богатую часть крестьянства, интеллигенцию, т.е. на всех, кто был отнесен к неблагонадежным, инакомыслящим, кто вызывал сомнение и подозрение у власти. А для этого была подготовлена и “гибкая” правовая основа. В статье 23 Конституции РСФСР 1918 г. отмечалось: “Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции”. Эта статья Конституция стала не только правовым фундаментом политики репрессий, но и ее теоретической основой. В.И. Ленин, выступая 6 декабря 1919 г. с заключительным словом на VII Всероссийском съезде Советов, по поводу этого пункта говорил: “Мы не обещаем, что Конституция обеспечивает свободу и равенство вообще”<sup>5</sup>.

Насильственные функции диктатуры пролетариата, а также методы репрессий были еще более усугублены Сталиным, выдвинувшим идею о неизбежном обострении классовой борьбы в годы строительства социализма в СССР. Он предполагал, что социалистическое общество можно построить “путем усиления органов диктатуры пролетариата, путем развертывания классовой борьбы, путем уничтожения классов...”<sup>6</sup>.

В соответствии с особенностями диктатуры пролетариата как власти, опирающейся на насилие и основывающейся на принципах политической целесообразности и революционного правосознания, формировалась и нормативная правовая база репрессивного характера не только законодательными, но и специальными учреждениями (ВЧК, ОГПУ,

НКВД, НКЮ и т.д.). Уже в одном из первых документов советской власти, учредившим революционные трибуналы, – инструкции Наркомата юстиции РСФСР от 19 декабря 1917 г. “О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке их заседаний” – предписывалось при назначении наказания руководствоваться не законами, а “обстоятельствами дела и велениями революционной совести”. Более того, в постановлении “О революционной законности”, принятом 8 ноября 1918 г. VI Всероссийским съездом Советов, официально предусматривалась возможность отступления от законов РСФСР, но с “формальным установлением соответствующего советского учреждения или должностного лица наличности условий, требующих выхода из пределов закона”. Менее чем через полгода, в апреле 1919 г., ВЦИК утвердил положение “О революционных трибуналах”, предоставившее им “ничем не ограниченное право в определении меры репрессии”, которая не подлежала “оспариванию”<sup>7</sup>.

Правовым основанием для массовых политических репрессий служили не только постановления, декреты, указы, положения, имевшие юридическую силу закона, но и директивы, постановления, указания и т.п. партийных органов, а также ведомственные инструкции, административные правила, большинство которых издавалось с грифами “секретно”, “совершенно секретно” и никогда не публиковалось. Таким образом, правовая система советского государства в те годы, с одной стороны, приспособлялась, как отмечают правоведы, к репрессивной политике действующего режима, а с другой, допускалось попираание имеющейся элементарной законности. Отлаженной частью механизма политических репрессий стала и юридическая система государства<sup>8</sup>.

С помощью “эффективно” действовавшего нормотворчества и карательных учреждений правящий режим “законно” беспощадно расправлялся с собственным народом, не допуская никаких инакомыслий, отклонений от моновласти, моноидеологии, монособственности. В результате беззакония, политического произвола советского руководства под “каток” политических репрессий попадали даже целые

народы, не совершавшие никаких уголовно наказуемых действий, даже не проявившие и не выразившие своего негативного отношения к существующей власти.

Партийно-государственные органы, считая насилие, принуждение действенными методами руководства обществом, активно их использовали в годы строительства социализма, особенно при проведении коллективизации сельского хозяйства, индустриализации страны, совпавшие с апогеем культа личности Сталина. Под жернова репрессий попадали не только несогласные с проводимой политикой партии, не слишком активно ее поддерживающие, те, чья лояльность вызывала сомнение, но и те, кто не внушал властям особого доверия по социальному происхождению, прошлой деятельности, имущественному состоянию, религиозному убеждению, т.е. так называемые потенциальные противники режима, отнесенные к категории “бывших людей”, “социально чуждых элементов”, а несколько позже объединенные в группу “врагов народа”. Это подтверждают слова известного деятеля советских карательных органов, члена ВЧК М.Я. Лациса: “Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом смысл и сущность красного террора”<sup>9</sup>.

В первые же дни советской власти в зарождающемся уголовном праве появились новые виды наказаний. В вышеназванной инструкции Наркомата юстиции РСФСР от 19 декабря 1917 г. были установлены такие виды наказания, как денежный штраф, лишение свободы, высылка из столицы, отдельных местностей или пределов Российской республики, вынесение общественного порицания, объявление виновного врагом народа, лишение всех или некоторых политических прав, полная или частичная конфискация имущества, принуждение к обязательным общественным работам.

Следует отметить, что в первое время такой вид наказания, как объявление врагом народа, было достаточно безобидной мерой, скорее просто порицающей, нежели наказы-

вающей. Но через 10–15 лет клеймо врага народа стало страшнее всякого наказания. Любой человек, любая группа населения, а также целые народы, по чьей-то воле или доносу причисленные к категории “врагов народа”, подвергались экзекуции с тяжелейшими последствиями, вплоть до смертной казни. Этот вид наказания как суровая мера особенно широко стал использоваться в 1920–1930-х годах руководством государства и партии для расправы с политическими оппонентами, инакомыслящими, а также для затухивания подлинных причин недостатков, неудач, трудностей в социалистическом строительстве. Известный немецкий писатель Лион Фейхтвангер, приезжавший в СССР в 1937 г., в своих записях отмечал, что в Советском Союзе “привыкли объяснять вредительством все, что не клеилось...”<sup>10</sup>.

Н.С. Хрущев в докладе на закрытом заседании XX съезда КПСС 25 февраля 1956 г. “О культе личности и его последствиях” отмечал, что термин “враг народа” «сразу освобождал от необходимости всяких доказательств идейной неправоты человека или людей ...он давал возможность всякого, кто... был только заподозрен во враждебных намерениях, всякого, кто был просто оклеветан, подвергнуть самым жестоким репрессиям, с нарушением всяких норм революционной законности. Это понятие “враг народа” по существу уже снимало, исключало возможность какой-либо идейной борьбы или выражения своего мнения по тем или иным вопросам даже практического значения»<sup>11</sup>.

В докладе также указывалось, что “основным и по сути дела единственным доказательством вины делалось “признание” самого обвиняемого, причем это “признание”, как показала затем проверка, достигалось путем физических мер воздействия на обвиняемого”. Этим “признаний” “в интересах партии” добивались не только следователи, но и сами “разоблаченные”, “обвиняемые” на партийных собраниях, заседаниях бюро парткомитетов, собраниях коллективов, признаваясь и каясь во всех вымышленных грехах, “помогали” партии разоблачать “врагов”. Эту потрясающую саморазоблачительную картину образно показал Б. Пастернак в романе “Доктор Живаго”. Он писал, что “едва явился повод, разгул самобичующего воображения разыг-

рывался до последних пределов. Люди фантазировали, наговаривали на себя не только под действием страха, но и вследствие разрушительного болезненного влечения, по доброй воле, в состоянии метафизического транса и... страсти самообсуждения...”<sup>12</sup>. Но более конкретно показана сцена саморазоблачения в годы большого террора Лионом Фейхтвангером, оставившим в записях такие свидетельства: “Невероятной, жуткой казалась деловитость, обнаженность, с которой эти люди непосредственно перед своей почти верной смертью рассказывали о своих действиях и давали объяснения своим преступлениям... Признавались они все, но каждый на свой собственный манер... Но тон, выражение лица, жесты у всех были правдивы”<sup>13</sup>.

Политические репрессии в стране проводились продуманно, организованно, с помощью выстроенной и отлаженной системы специальных органов, с приданием правовой легитимности проводимой карательной политики. Они шли непрерывно, но амплитуда их всплеска была разной величины. Политический террор иногда на некоторое время как бы затухал, наступало недолгое, обманчивое затишье, но вдруг новая его волна вздымалась, унося, поглощая в водовороте террора многочисленные жертвы, отобранные по дьявольскому плану и в соответствии с определенными критериями. В разгуле этого “стихийного бедствия” все же была видна опытная рука сценариста – постановщика и режиссера, преследовавшего в задуманном спектакле конкретные цели и задачи. Соответственно системе тоталитарного государства репрессии осуществлялись и проводились под единым, централизованным руководством, под строгим контролем (с планами, обязательствами, отчетами на всех уровнях).

Поэтому, по моему мнению, механизм карательной системы следует разделить на организаторов и исполнителей. Инициаторами и организаторами, руководителями репрессий являлись руководство партии большевиков и советского государства – Политбюро ЦК, высшие исполнительные органы государственной власти; исполнителями – высшие законодательные органы государственной власти (формировавшие правовую базу), ЦК нацкомпартий, краевые, областные, окружные комитеты партии и

низовые парткомы, местные исполнительные органы, службы государственной безопасности, внутренних дел с “коллегиями”, “двойками”, “тройками”, “особыми совещаниями” (которые практически являлись внесудебными органами) и т.п., трибуналы (революционные, военные), суды, прокуратура. Решения о репрессии, депортации принимались руководителями партии и правительства не только по собственной инициативе, но и ВЧК–ОГПУ–НКВД и рядом других ведомств. Если политические репрессии по отношению к личностям по тем или иным признакам в основном осуществлялись по постановлениям судов или внесудебных органов, то решения о депортации по национальному признаку, как правило, принимались в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами.

В последние десятилетия, с началом перестройки и переходом на путь демократии, отечественные публицисты, писатели, ученые получили возможность открыть тайные страницы советской истории, говорить, писать о политических репрессиях, массовом терроре, о тотальной депортации народов, концлагерях в Советском Союзе, которые относились к запретным темам, находились под покровом секретности. Благодаря доступу к некоторым ранее закрытым фондам архивов, появлению зарубежной литературы, воспоминаний, публикациям документальных сборников (особую ценность представляет многотомное издание “Совершенно секретно”: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2001), книг о бывших руководителях органов внутренних дел, прокуратуры СССР, крупных военачальниках, бывших членах Политбюро ЦК партии, написанных с привлечением новых документальных материалов, заметно расширяется отечественная историография о политических репрессиях, массовом терроре, насильственной депортации отдельных народов, о деятельности судебных и внесудебных органов и др. Историография Калмыкии советского периода в последние десятилетия пополнилась работами и документальными сборниками, основной массив в которых составили документы из “Особой папки Сталина”, фонда ГУЛАГа НКВД СССР. Имеющаяся литература большей частью посвящена депортации кал-

мыцкого народа и лишь частично отдельным вопросам политических репрессий<sup>14</sup>.

Эти темы, т.е. так называемые белые пятна, в советское время находившиеся под идеологическим запретом и вне изучения, вызывают интерес у исследователей не ради любопытства, а из-за стремления раскрыть “припрятанные” страницы истории страны, воссоздать объективную историю, как бы она ни была ужасна и трагична. Потомки должны знать свою историю и извлекать из нее уроки с тем, чтобы трагическое прошлое не дало знать о себе в какой-либо форме. Понятно, что возрождение диктаторского государства, сталинизма в подобном виде практически исключено. Ныне иная эпоха, другая страна, вступившая на путь демократического развития, другие люди, нет давления монопартии, моноидеологии.

Россия испытала ужасы репрессивной политики тоталитарно-бюрократического режима на протяжении тридцати с лишним лет. За эти годы в стране пострадали многие народы и семьи. До сих пор в нашем обществе чувствуются политические, социальные, психологические, демографические последствия сталинской эпохи, политического режима того времени. Совершенно прав Марк Захаров, художественный руководитель театра “Ленком”, когда говорит: “Ведь помимо физического истребления в сталинские времена происходило и массовое зомбирование населения. Некоторые до сих пор находятся под гипнозом”<sup>15</sup>.

В результате массового террора страна оказалась в постоянном напряжении, обстановке всеобщего страха, воцарились тотальная подозрительность, недоверие. Многие считали своим гражданским, партийным долгом “информировать” (доносить) в “соответствующие” органы об услышанном в приватной беседе, в кругу знакомых, друзей на свадьбах, вечеринках и т.д. Некоторые “вспоминали” в 1930-х годах о разговорах с товарищами по учебе, работе в 1920-е годы, “копались” в биографиях друг друга. Можно сказать, доноительство было возведено в ранг гражданской, партийной обязанности, была создана целая система сбора “сведений” (на добровольных началах, агентурным путем, заведение досье органами НКВД). В годы массовых репрессий многие советские люди действовали по принци-

пу: “Лучший способ уберечься от доноса – донести самому”. Надо заметить, что доносительство служило и своеобразным способом статусного продвижения по службе, доказательством своей лояльности властям, ее политике.

Диктаторский режим поощрял массовые доносы, прививал советским людям рабскую психологию, беспрекословную преданность вождю народа, генеральной линии партии. Все это насаждалось годами, как писал Чингиз Айтматов, “кровавым гипнозом личности Сталина”<sup>16</sup>.

Как бы ни засекречивали тайные папки, ни прятали в сейфы, все равно настает время, когда приходится их доставать и раскрывать. Здесь неизбежно вступает в действие простая истина: история рано или поздно ставит все на свое место. Поэтому прав был один из персонажей, Вдовиченко, романа Б. Пастернака “Доктор Живаго”, когда он говорил Ржаницкому перед расстрелом: “...Твой протест не дойдет до них. Тебя не поймут эти новые опричники, эти заплечные мастера нового застенка. Но не падай духом. История все разберет. Потомство пригвоздит к позорному столбу бурбонов комиссародержавия и их черное дело”<sup>17</sup>.

Трагические события ушедшего века, которые пережила Россия, оставили глубокие следы и в истории калмыцкого народа. Но в перечне его бед, связанных с войнами и социальными революциями, сталинский террор, тотальная депортация занимают особое место, представляя драматические страницы истории всей Калмыкии.

К сожалению, в годы советской власти, за исключением небольшого периода “хрущевской оттепели”, когда были начаты попытки изучения политических репрессий, тема депортация народов умалчивалась, запрещалось даже упомянуть что-либо об упразднении национальных республик и областей, о выселении. Вплоть до последнего времени вопросы репрессии и выселения народов подчас переносились в сферу тотального коллаборационизма.

Между тем документы и исследования неопровержимо свидетельствуют, что система нуждалась в перманентной репрессии, выражавшей сущность насильственной природы диктаторского государства. Поэтому не случайно в Советском Союзе этнической чистке (по национальному признаку) подверглись целиком около 15 народов и этнических

групп, частично же – еще около 55 народов и народностей. Общее число репрессированных, по данным В.В. Лунеева, составляет 5,2–5,5 млн человек<sup>18</sup>. А.Н. Яковлев, председатель президентской Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, писал: “В жернова террора режим бросал не только социальные слои и классы, но и целые народы, насильно депортированные... Карательные органы легко придумывали поводы для расправ...”<sup>19</sup>.

Настоящая работа представляет собой попытку раскрыть суть репрессивной политики советского государства и показать ее срез в динамике на протяжении почти сорока лет, начиная с установления советской власти в Калмыкии и кончая “логическим” завершением – тотальной депортацией калмыцкого народа, пребыванием его в статусе спецпереселенцев. Если смотреть через призму человеческих судеб, то закончившаяся “короткая” история советского государства оказалась исключительно жестокой и трагичной. Сталинский диктаторский режим провел калмыков и другие народы Калмыкии через все ступени репрессивного ада.

Структура монографии построена в соответствии с основными этапами массовых репрессий, направленных против крестьянства, интеллигенции, кадров управленческого аппарата, духовенства. В ней показаны также уничтожение коммунистов в Калмыкии, “большой террор” и тотальная депортация калмыцкого народа. В процессе исследования особое внимание уделено изучению политической, нормативной правовой базы репрессивной политики советского государства. В связи с этим автор достаточно широко опирается на опубликованные документы коммунистической партии и ее деятелей, руководителей, а также на законы, указы, постановления, декреты, распоряжения законодательных и исполнительных органов государственной власти РСФСР и СССР, ведомственные инструкции, положения, в том числе и внесудебных органов. Значительную источниковую базу для раскрытия темы составили документальные материалы партийных, советских и карательных органов Калмыкии, выявленные в фондах Национального архива республики (НАРК). Документы политического и нормативного характера показывают, что репрессивная политика



и ее осуществление обеспечивались необходимой идеологической, политической, правовой базой. Правовая система приспособлялась и придавала этой политике видимость легитимного характера. Здесь не идет речь о всей правовой системе государства, а лишь в сфере репрессивной политики и деятельности правящего режима в те годы.

Но следует заметить, что с образованием СССР в 1922 г. до конца 1936 г. в стране фактически не было Конституции в том понимании Основного закона государства, где были бы зафиксированы и гарантированы права, свободы его граждан. В принятой Конституции СССР 1924 г., как известно, были утверждены лишь принципы образования СССР (Декларация), символы нового союзного государства, а также система органов государственной власти и управления СССР (Договор), в том числе особо выделено Объединенное главное политическое управление (ОГПУ) – высший карательный орган страны, руководитель которого входил в состав правительства. Но и Конституция СССР 1936 г., имевшая специальную главу об основных правах и обязанностях граждан советского государства, совершенно не соблюдалась и оказалась фикцией, служила лишь ширмой в глазах мировой общественности. В реальности законодательство страны выглядело так: была Конституция, но не было конституционного строя.

Хотя в конституционном законодательстве не было и намека на репрессивную политику советского государства, тем не менее в конституциях автономных республик предусматривался особый порядок образования органов внутренних дел на местах. Более того, Конституция СССР предусматривала возможность создания специальных судов, но по решению высшего органа государственной власти. Однако на практике внесудебные органы создавались и по решению партийных, ведомственных органов.

Автор ставит перед собой скромную задачу – попытаться показать суть репрессивной политики советского государства и основные этапы ее осуществления, а в срезе региона – социальные группы, классы, народы, попавшие под пресс жесточайшего террора диктаторского режима. В связи с этим мной проводился обобщенный, сравнительный

анализ с привлечением документальных источников общего и конкретного характера как по содержанию, так и по происхождению.

Монография не преследовала цель рассказать о каждой репрессированной личности, социальной группе (хотя они заслуживают того), о каждом случае беззакония, произвола, в результате которых решалась судьба личности. Да это в пределах одной книги, ограниченной конкретной темой, просто невозможно сделать, поскольку репрессированных только по классовому признаку в Калмыкии (имеются в виду раскулаченные, выселенные бывшие нойоны\*, зайсанги\*\* со всеми членами их семей) было почти 16 тыс. человек, по политическим мотивам репрессиям подверглись несколько тысяч человек. Каждой неоправданно осужденной семье или даже человеку можно посвящать отдельные исследования, а результаты изучения попавших под репрессии социальных групп, классов могут составить целые тома. Поэтому свою задачу вижу прежде всего в том, чтобы акцентировать внимание коллег-историков на проблемы исследования массового террора, на всестороннее, объективное освещение сложной, драматической страницы истории Калмыкии, калмыцкого народа. Без этих страниц она будет неполной и необъективной. Наш долг перед безвинно пострадавшими в годы разгула сталинского террора – восстановить правду, справедливость. История должна поставить все на свое место.

<sup>1</sup> Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 194–195.

<sup>2</sup> Российская газета. 2003. 19 марта.

<sup>3</sup> Литвин А. Красный и Белый террор в России (1918–1922 гг.). М., 2004. С. 71.

<sup>4</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 174.

\* Нойон – князь, правитель крупного феодального владения – улуса. В дальнейшем улус – административная единица, равнозначная уезду, району.

\*\* Зайсанг – дворянин, владелец аймака. Аймак – административная единица, равнозначная волости; в прошлом – феодальный удел, владение зайсанга.

- <sup>5</sup> Конституция общенародного государства. М., 1978. С. 201; *Ленин В.И.* ПСС. Т. 39. С. 424.
- <sup>6</sup> *Сталин И.В.* Соч. Т. 13. С. 350.
- <sup>7</sup> Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР), 1918. № 90. Ст. 908; 1919. № 13. Ст. 132.
- <sup>8</sup> *Кудрявцев В.Н., Трусев А.И.* Политическая юстиция в СССР. М., 2000. С. 4, 8.
- <sup>9</sup> *Мельгунов С.П.* Красный террор в России. 1918–1923. 5-е изд. М., 1990. С. 44.
- <sup>10</sup> Два взгляда из-за рубежа: Переводы. М., 1990. С. 190.
- <sup>11</sup> Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 132.
- <sup>12</sup> *Пастернак Б.Л.* Доктор Живаго: Роман. М., 1989. С. 343.
- <sup>13</sup> Два взгляда из-за рубежа. С. 243.
- <sup>14</sup> *Убушаев В.Б.* Калмыки: Выселение и возвращение. 1943–1957 гг. Элиста, 1991; *Бугай Н.Ф.* Операция “Улусы”. Элиста, 1992; Ссылка калмыков: Как это было: Сб. документов и материалов. Т. 1. Кн. 1. Элиста, 1993; Т. 1. Кн. 2. Элиста, 2001; и др.
- <sup>15</sup> Российская газета. 2003. 20 апр.
- <sup>16</sup> *Айтматов Ч., Шаханов М.* Плач охотника над пропастью: (Исповедь на исходе века) / Пер. с каз. Алматы, 1996. С. 186.
- <sup>17</sup> *Пастернак Б.Л.* Указ. соч. С. 269.
- <sup>18</sup> *Лунеев В.В.* Преступность XX века: Мировые, региональные и российские традиции. М., 1999. С. 172.
- <sup>19</sup> *Яковлев А.Н.* Омут памяти. М., 2001. С. 423, 424.

# ОГЛАВЛЕНИЕ

<b>Предисловие</b> .....	3
<b>Глава первая</b>	
<b>Репрессии против крестьян. 1918–1934</b>	
Наступление на крестьянство в ходе социалистических преобразований в деревне. 1918–1929 .....	17
Террор на селе во время заготовительных кампаний и форсирование коллективизации. 1928–1932.....	48
Репрессивные меры в период сплошной коллективизации сельского хозяйства. 1930–1934 .....	75
<b>Глава вторая</b>	
<b>Расправа с интеллигенцией и управленческими кадрами. 1921–1938</b>	
Уничтожение коммунистов в Калмыцкой партийной организации. 1921–1936.....	108
Большой террор. 1934–1938 .....	136
<b>Глава третья</b>	
<b>Антирелигиозная политика советской власти в Калмыкии</b>	
Репрессии в отношении духовенства. 1918–1928 .....	191
Ужесточение антирелигиозной борьбы и ее последствия. 1929–1938 .....	222
<b>Глава четвертая</b>	
<b>Тотальная депортация калмыцкого народа</b>	
Насильственное выселение .....	251
Калмыки на спецпоселении.....	270
<b>Заключение</b> .....	296
<b>Источники иллюстраций</b> .....	303
<b>Указатель имен</b> .....	304